

Кир Булычев

Царицын ключ

Кир Булычев

Царицын ключ

«ЭКСМО»

2005

Булычев К.

Царицын ключ / К. Булычев — «Эксмо», 2005

ISBN 978-5-425-08480-4

В деревню Полухтовы Ручьи приехала филологическая экспедиция – собирать народный фольклор. А там и сейчас сказки – медведи из пушек палят, да привидения шастают.

ISBN 978-5-425-08480-4

© Булычев К., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	16
5	19
6	22
7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кир Булычев

Царицын ключ

1

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотьвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскиали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст южнее. Так, в обидах и небрежении, Нижнесотьвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотьвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрюша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко спрыгнул Андрюша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч патлы в сочетании со слишком потертыми джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрюша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

– Помоги Вениамину, – сказала Элла Степановна.

Вениамин как раз застрял в двери автобуса, заклинившись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самолюбив и легкораним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрюша, вместо того чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрюше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

– Где синяя сумка?

– Я так и знал, – сказал Андрюша и полез в автобус.

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотьвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекилометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

Рядом уселся местный доброхот Гриша Пантелеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистом.

– Нет, – говорил он, прихлебывая теплое пиво, – до Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался за малиной, малина там как яблоки, три дня попутки ждал, плюнул. И вам советую.

– Разве туда машины не ходят? – спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

– Ходят, – согласился Гриша. – Прямо отвечаю – ходят. Молоко оттуда возят, в кружевную артель машина ходит. Ревизия в том месяце ездила тоже на машине.

– Почему ревизия? – спросил Андрюша. – Воруют?

Пантелеев удрученно поглядел на Андрюшины патлы и ответил Элле Степановне:

– Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а вытрясти не могут.

– Простокваша? – спросил Андрей.

– Масло, – ответил Пантелеев Элле Степановне. – Чистое масло. Наверное, вредители.

– Дорога плохая, – сказал Вениамин. – Происходит сепарация жиров.

– Дорога разная, – возразил Пантелеев. – Но вернее всего, воруют. Клюкву видали? Клюква как помидор. Зачем это клюкве?

– А сегодня больше машин туда не будет? – спросил Вениамин.

Вениамину Пантелеев отвечал. Вениамин был в очках.

– Не надо вам туда, – сказал он. – Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, поговорим, я вам такие песни спою – ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

– Спасибо, не надо, – сказала Элла Степановна терпеливо. – Нижнесотвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полуехтовых Ручьев.

– Это последнее «белое пятно» на фольклорной карте Урала, – добавил Вениамин.

– Понимаю, – сказал Пантелеев, – как не понять. Пускай остаются «белым пятном». Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелеев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

– Пантелеич, уймись!

– Мы фольклор собираем, – возразил Пантелеев. – Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами, Андрюша сказал:

– Может, сбежим? Я с шофером на площади потолкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров не расстояние для энтузиастов.

– Убежим, – согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. У него было длинное очень белое лицо, ровно расчерченное поперечными полосками – полоской рта, полоской усиков, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним вошел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое младенческое лицо, голубые глаза навывкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипали ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина – небрежно, лениво, все по карману, все доступно.

– Рыбки не привезли? – ласково спросила буфетчица.

– Рыбки нету, Вера, – печально ответил высокий.

– Гурген спрашивал, – сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь оттеснил локтем Пантелеева и приказал:

– Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. – Потом обернулся к высокому и спросил: – Эдик, шампанское будешь брать?

И тут в разговор вмешался Пантелеев.

- Слушай! – закричал он взволнованно. – Все правильно! Я же предупреждал!
- Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.
- Ты не отворачивайся, не отворачивайся, – обиделся Пантелеев. – Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.
- Вы к Васе? – спросил высокий Эллу Степановну.
- Я им так и говорю, – сказал Пантелеев. – До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард с Васей захватят.
- Вы из Полуехтовых Ручьев? – догадалась наконец Элла Степановна. – И у вас есть машина?
- Губы Эдуарда натянулись в улыбке.
- В гости? – спросил он. – Или по делу?
- Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица, что экспедиция ему не нравится.
- Мы фольклорная экспедиция, – сказала Элла.
- Нет, – сказал Вася, – наша машина вам не подойдет.
- Ты что! Ты что! – возмутился Пантелеев. – Они песни собирают. Я тут им одну пел.
- Нам все равно! – вмешался Андрюша. – Хоть на танке.
- Танков у нас нет! – Высокий Эдуард направился к Элле, протягивая узкую руку. – Но чем можем, готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров Эдуард Олегович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?
- За песнями тоже. – И Элла представила ему спутников.
- Это изумительно, превосходно! – обрадовался Эдуард. – У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?
- На месяц, если все пойдет как надо.
- Спасибо, – сказал Эдуард, – нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?
- Груз у нас в кузове, – сказал богатырь Вася. – Тесно.
- В тесноте, – назидательно обернулся к нему Эдуард, – но не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?
- В любой момент готовы в море, – не выдержал Андрюша.
- Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард положил на плечо руку и сказал:
- Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?
- На второй курс, – сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард руку убрал и посмотрел на электронные часы.
- Сбор на площади, – сказал он. – В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?
- Все здесь, – нежно ответила Элла Степановна. – Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.
- Брови Эдуарда поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной, трагической маской.
- Не смейте так думать! – сказал он тихо. – Пошли, Вася.
- Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и шампанским и повернул к фольклористам неодобрительную спину.
- Элла гусыней увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:
- За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андрюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколол к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андрюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

2

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого коричневого собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андрюша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантное решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подожли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард спросил:

– Мы вас не заставили ждать?

– Что вы! – возразила Элла Степановна. – Не о чем говорить.

– Замечательно! Через двенадцать минут в путь. Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

– Я пошел, – сказал Вася.

– Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард обернулся к Элле и разъяснил:

– Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной деревне обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

– Разумеется, – согласилась Элла Степановна.

– А теперь, – Эдуард потер ладони, – наша насущная задача – поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помощь моих молодых коллег?

Андрюша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

– Я сам, – сказал он. Сказал сурово, просто, по-мужски.

Андрюша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигареты, и помчался через площадь к магазину – патлы веером, а Эдуард крикнул весело вслед:

– Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших!

– Есть, капитан! – ответил на бегу Андрюша.

Эдуард поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящал его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули, Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по мягкому, придавив аспиранта, и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, проникнув между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплываясь в зловещую чернильную лужу.

– Кровь, – прошептала Элла Степановна, – человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

– Нет, – ответил тоже шепотом Эдуард, – это, наверное, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

– Почти ничего не пролилось.

– Ты поврежден? – спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борт. Эдуард обнял женщину и приподнял.

– Спасибо, – сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

– Я цел, – сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

– Что с тобой, мой мальчик? – Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

– Это вытекло из бидона, – сказал Вениамин. – Во всем виноват только я один.

– Вы должны были предупредить, – сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. – Отпустите меня!

Эдуард подчинился и перевел дух.

– Я хотел вам помочь, – сказал он.

– Надеюсь, – сказала Элла Степановна. – Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

– Ничего смешного, – сказал Вениамин.

– Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, – сказал Эдуард. – Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

– Спиртовая тушь? Это еще зачем? – спросила Элла Степановна.

– Пузырьками покупали, – сказал Эдуард. – Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красить хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрюша. Андрюша нес блок сигарет, Вася – детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке. Увидев полосатого Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбился с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрюша узнал Вениамина почти сразу.

– Не пизжонь, Веня! – крикнул он. – Не надо!

Испуганные галки вились над колокольной кирпичного собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

– Придется, простите, спрятаться, – сказал Эдуард. – Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

– Все вылили?

– Самую малость, – сказал Эдуард. – Пузырьков десять.

– На что только мы не идем ради красоты, – сказал Андрюша. – Это сливки?

– Замолчи, – сказала Элла Степановна. – И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

– Рублей на пять как минимум.

– Мы заплатим, не беспокойтесь, – сказала Элла Степановна.

– Не надо, – сказал Вениамин, – плачу я.

– Вот и превосходно, замечательно! – веселым голосом воскликнул Эдуард. – Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

3

У моста через реку Сотьву простояли полчаса. Эдуард Олегович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блеснула. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После селца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подпиравшим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точеных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

– Остановитесь! – завопил Андрюша. – Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

– Чего еще? – спросил он.

– Наш юный друг, – разъяснил Эдуард, – увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

– Ехать надо, – сказал Василий. – Темно будет.

– Ничего, – возразил Эдуард Олегович. – Объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

– Откуда это могло произойти? – крикнул Андрюша.

– С дореволюционных времен, – сказал Эдуард. – В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

– Очень похоже на восемнадцатый век, – сказала Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде. – Наивно и провинциально.

– Здесь и была провинция, – согласился Эдуард. – Может быть, сам Полуехтов поставил.

– Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

– Местный помещик, майор, – сказал Эдуард. – О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

– Великолепно, замечательно, – обрадовался Эдуард. – Лучше, намного лучше.

– Еще сорок ручьев, – сообщил Андрюша, перематывая пленку, – и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

– Он не просто майор, а секунд-майор.

– Вы о ком? – спросила Элла.

– О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтовы.

– А давно он жил?

– До революции.

– У вас сохранились старожилы? – спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

– Есть один, который помнит, – сказал Василий. – Только не станет он с вами говорить.

- Переубедим, – возразила Элла Степановна. – У меня достаточный опыт. Как его зовут?
- Григорием.
- А фамилия?
- Не знаю. Не говорил он мне своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукругиями, ровно, словно на площади немецкого города. Грузовик сразу прибавил скорость, покотил веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

– Одна тайна набегает на другую. Кто мог ожидать?

– А что там? – спросил из угла кузова Вениамин.

– Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик баловался?

– В этих местах помещики не жили, – сообщил Вениамин. – Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно впереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребезжал, ревел, одолевая подъемы.

– А эта дорога только до Ручьев? – спросил Андрюша.

– Дальше пути нет. Тайга, болото, горы, – сказал Эдуард. – Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

– Без воды сможешь проглотить?

– Смогу, – сказал Веня.

– Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквалификация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Темнота сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатилась на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благостную тишь этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплелся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листвы вековых берез у дороги.

– Что это? – прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

– Наяда, – сказал Андрюша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

– Шуберт, – сказал Вениамин. – Си минор.

– Наша, – улыбнулся Эдуард Олегович, и его зубы блеснули голубым. – Ангелина. Занимается у меня в самодеятельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду удалось нарушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома, потом Эдуард постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

– Здесь мы вас и разместим, – сказал Эдуард Олегович. – Школа у нас начальная, – добавил он, спускаясь на землю. – Небольшая, в данный момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной mzды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард выразительно посмотрел на Эллу Степановну. Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предложениями.

– Мы, разумеется, заплатим, – сказала Элла.

– Лучше к деду Артему, – сказал Василий.

– Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

– Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку. Андрюша разглядел острую, клинышком седую бороду из-под кепки.

– Привез, Артем Никандрыч, – сказал Эдуард. – Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

– Экспедиция нам не помешает, – сказал старичок, – хоть пользы от нее мало.

– Артемий Никандрыч – наш краевед, хранитель природы, – сказал Эдуард Олегович.

Старичок поклонился. Об этом можно было догадаться по тому, как борода совершила резкое движение вниз, закрытая кепкой, и возникла вновь.

– Эколог, – поправил старичок. – Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард отыскал журнал в портфеле, а старик вместо благодарности проворчал:

– Ты с Василием меньше общайся. Ты интеллигенция, а он жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

– Заткнись, дед, – сказал Василий.

– Не заткнешь. Правду не заткнешь.

– А какие взятки? – вмешался нетактичный Андрюша.

– Шутка это, – сказал Эдуард. – Вася рыбкой балуется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

– Ушицу все любят, – донесся из темноты голос. – Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

– Иди ты! – озлился Вася.

– Уже ушел, – сказал дед издали.

И снова воцарилась тишь. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка. Взбрыкнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разорвал, смысл и отбросил страшный нечеловеческий крик:

– Омниамеекумпорррто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаиться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

– Что это?! – ахнула Элла Степановна.

– Не волнуйтесь... Не надо... – Эдуард обернулся к застывшему у грузовика Василию: – Он вернулся. Понимаешь?

– Да, – ответил Василий. – Побегу, – добавил он и тяжело затопал в темноту.

– Что же это? – спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

– Не обращай внимания, – сказал Эдуард. – Это местный фольклор.

– Нет, – сказал Вениамин. – Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард бросил на аспиранта быстрый взгляд:

– Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой околице, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но даже и поверив, Веня никогда бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

– Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

– Добрый вечер, Эдуард Олегович, – сказала привидение. – Мамы нету. А что?

– Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

– Пускай живут, – сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшей, и тот, хоть было и совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, флуоресцировали.

– Вы заходите, – сказала девушка.

– Это вы пели? – спросил Андрюша.

– Она, она, – сказал Эдуард. – Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

– Ну что вы, – сказала девушка, – зачем?

– Это был Шуберт, – раздался голос из-за грузовика.

– Кто там? – спросила Ангелина.

– Это наш сотрудник, – сказал Андрюша. – Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард запустил руку в кабину.

– Это от Васи, – сказал он. – Гостинцы. Печенье и шампанское.

– Не надо, – сказала Ангелина.

– Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно, – обрадовался Эдуард. – Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшей приняли от Вениамина, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

– Идите, – сказал Вениамин. – Я потом.

Ангелина прошла в дом первой. Она сразу принялась за хозяйство – делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем достал колбасу, консервы и вызвался помочь Геле накрывать на стол, но помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей – там на двух кроватях будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

– Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

– Кует себе железную маску, – сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

– Слушай, здесь ночевать бессмысленно, – сказал Андрюша. – Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени.

– Ах, оставь, – сказал Вениамин. – Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет потушат, пройду.

– Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

– Нет, не хочется, – ответил Венья так, словно отказывался от счастья.

– Ясно, – сказал Андрюша и вернулся в дом.

Венья проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное – таз и чайник с кипятком. Венья скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдается прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать Глафира – здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Ангелину, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике – иной человек не будет гулять в одиночку по окoliце и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

– Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились, – сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

4

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и било в маленькое оконце. На соседней кровати, такой же, как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил: – Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам – закричал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы, и запели птицы.

Андрюша замотал головой и нырнул под одеяло.

Вениамину уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вела лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидев его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому что был в майке и стеснялся своих тонких бледных рук. А когда он уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут замкнутые и скучные люди, наличники окон, коньки крыш и даже столбы ворот и калиток были резными, а кое-где и раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусил в сторону, скидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстеречь его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, настоятельно проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

– Эй, – сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта, – ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратился к Андрюше дикий взор:

– Там ходят медведи.

– Где ходят медведи? – удивился Андрюша.

– По улице. Я сам видел.

– Надо принимать меры, – сказал Андрюша и побежал к дому.

Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

– Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

– Некогда размышлять, – отвечал Андрюша. – Медведи и волки покоряются только грубой силе!

Из калитки дома поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей, выбежали двое мальчишек лет по семи. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых залатанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках ружье. А вслед за ним второй приезжий, поменьше ростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

– Опасность! Все по домам! – крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал – зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нащупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он засунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами, начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание. Медведь, заграбастав охотника, прижал его к широкой бурой груди и, подвывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топтыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коляской, которым управлял мальчик лет двенадцати в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шали.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратил к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обиженно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже встрепанный, в пижаме Эдуард, затем остановилась перед медведем.

– Ну! – сказала она. – Нельзя уехать на день! Чего натворил?

Медведь продолжал стонать, завопил лапами у груди, показывая женщине на рану.

– Погоди, – сказала женщина. – Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

– Кто тут нахулиганил? – спросила женщина и перевела взгляд с распростертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

– Вот, тетя Глафира. Они с ним бегали, – он показал на Вениамина, – и стреляли.

– Мое ружье, – сказала женщина. – Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он поспешно смежил веки.

– Все ясно, – сказал Эдуард Олегович. – Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

– Милые, говоришь? – удивилась грузная женщина. – Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

– Простите, – сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андрюше, о котором все забыли. – Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником медведь заревел так, что Веня отступил снова, а Андрюша сжался в комок.

– Отойди, – сказала Глафира медведю. – Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. – Медведь отходить не стал, но замолчал. – Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

– Я не ветеринар, – ответил Эдуард. – На это Ангелина есть. Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

– Боишься? – спросила Глафира Сергеевна.

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андрюшу, пошел в дом.

– Я подчиняюсь силе, – сказал Эдуард.

– Подчиняйся, – сказала Глафира Сергеевна. – И учти, что Миша пострадал на работе.

– Бюллетень выписывать не буду, – буркнул Эдуард, запахнул пижаму и пошел вслед за медведем.

Андрюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

– Что? – холодно спросила Глафира Сергеевна. – Ранен? Тоже помощь нужна? погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

– Нет, – сказал Андрюша, – спасибо.

Он встал. Его майка с гитарой была разорвана.

– Поймите, – сказал Вениамин, – мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

– Ладно, – сказала Глафира Сергеевна, – дома разберемся.

5

Элла Степановна узнала о драматических событиях только за чаем, который пили впятером: Глафира Сергеевна Полуехтова, бригадир колхоза, фактически руководительница деревни Полуехтовы Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

– Ну как, – повторял Вениамин, – как мы могли догадаться, что медведь ручной?

– Не ручной, – возразила Глафира Сергеевна. – Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

– На нем не написано. – Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы. – Кем же он работает?

– Из пушки стреляет. Больше некому, – сказала Глафира Сергеевна. – Мужиков в деревне недобор, все на работе, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

– Вы хотите сказать, что у вас есть пушка? – Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне. – Настоящая? Это же опасно.

– Без пушки мы, простите, не можем, – сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинаном. – Пушка у нас уже двести лет стреляет.

– А если вы в кого-нибудь попадете?

– Холостыми стреляем, – возразила Глафира Сергеевна. – Нам общество охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

– А почему медведь? – спросил Вениамин. – В других деревнях тоже все заняты...

– В других деревнях с пушками плохо, – сказал Андрюша, перекусывая нитку. – Очень мало пушек в других деревнях. – Он обернулся к Глафире Сергеевне. – А пушка старая?

– Пушка старая, – сказала Глафира Сергеевна. Андрюша ей не нравился. Неопрятен, не пострижен, бегает по деревне с чужим ружьем. – Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степановна достала блокнот.

– Глафира Сергеевна, – сказала она, – пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

– Не в легендарное, а в историю. Майор Полуехтов постановил сигнал давать, вот и тянется... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Совещание по льноводству в области, на кого хозяйство оставлю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

– Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

– Простите, – сказала Элла. – Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужнин китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смышленный, синеглазый, белобрысый.

– Хотите, про пушку расскажу? – сказал он.

– Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки, – сказала Элла Степановна. – Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

– Светосила вас устраивает? У этих «Юпитеров» она маловата.

– Чего? – спросил Андрюша. – Ты откуда знаешь?

– Я «Канон» предпочитаю японский, – сказал мальчик. – С «Никконом» резковато получается.

– Ага, – согласился Андрюша. – Резковато, значит? И откуда у тебя «Канон» и «Никкон»?

– Ясное дело, из Японии, – сказал Коля. – Легенду-то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

– Запишем, – сказал Андрюша. Мальчик ему понравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость...

– Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов.

Вениамин отложил учебник португальского языка, протер очки.

– Как же сюда викинги добрались? – спросил Андрюша.

– Не перебивай, пленку зря тратишь, – сказал Коля. – С моря добрались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полуехтов, мы тут полдеревни Полуехтовы в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, пленец гнезда Петрова, и он сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

– И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленный борьбой со стихией, в разгар бури к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

– С танками? – спросил Андрюша.

– Еще одна перебивка, и я кончаю рассказ, – пригрозил Коля. – И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

– Молчу, – сказал Андрюша.

– Так вот... Фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок – и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

– Как все? – удивился Андрюша. – А как же пушка и медведь?

– Пушку оставили как память о Полуехтове. Можете поглядеть, она в деревьях стоит на площади. И постановили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уже в самом деле.

– Как слабо здесь поставлено преподавание истории, – сказала Элла.

– Мифотворчество, – сказал Вениамин. – Современное мифотворчество. Майоры, фашисты...

– Что же я, не понимаю, что мифотворчество? – обиделся вдруг мальчик. – Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

– К сожалению, ничего не значит, Коля, – согласилась Элла Степановна. – Спасибо тебе за интересный рассказ.

– Пожалуйста, – успокоился Коля. – Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

– Обедать если будете, то к двенадцати тридцати как штык.

Андрюша сменил кассету.

– Чепуха, – сказал он. – Ребенок нас разыграл.

– Это не так и важно, – сказал Вениамин. – Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

– Меня волнует другое, – сказал Андрюша. – Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

– Нет, не легенда, – согласился Веня. – Помочь тебе джинсы зашивать?

– Зачем? Лишняя дырка им не мешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард.

– Доброе утро, – сказал он радостно. – Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

– Слышала, – сказала Элла. – Простите нас.

– Я тому Мишке не доверяю, – сказал Эдуард. – Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

– Но все-таки из пушки стреляет, – сказал Андрюша.

– Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него и дергает. Вот и вся тайна.

– Нет, Эдуард Олегович, – сказала Элла, – я не согласна с вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

– Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

– Она бы промолчала, – ответил за Эллу Андрюша. – Потому что иной участи я не заслуживаю.

– А я в вашем поступке усмотрел благородство, – не согласился Эдуард Олегович. – Так вы не забыли, что нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

– Я не пойду, – сказал Андрюша.

– Это еще почему? – удивилась Элла Степановна.

– Мне пленки разобрать надо.

– Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю, – закручинился Эдуард, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

6

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает, хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонников интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно поводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле. Эдуард попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом, все же он оставался в Ручьях чужим не только потому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако перед приезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

– Дома у нас вековые, – говорил он. – Бревна с возрастом только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать – специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные!

– Резьба требует сравнительного анализа, – сказал Вениамин.

– Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

– А сколько их всего? – спросил Вениамин.

– Две. Тридцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Олегович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное: и колонны, и ступени – все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва по сторонам лестницы были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно легли, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехтовы Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца „Ручьи“», «Кинотеатр».

– Центр культурной жизни, – сообщил Эдуард Олегович. – Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоянно. Справа начальная школа, на этом краю магазин. Вот и все.

– А пушка там? – Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

– Пушка там, – сказал Эдуард Олегович. – Давно пора на металлолом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

– А как же медведь время узнает? – спросил Вениамин.

– Бог его знает. Наверное, по солнцу, – сказал Эдуард Олегович. – Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнаружился каменный столб, скошенный кверху как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «До Москвы 1386 верст», «До Санкт-Петербурга 1938 верст».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и прочел еще две надписи: «До Екатеринбурга 746 верст», «До Царицыного ключа 9 верст».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выбрался снова на полянку. Эдуард, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

– Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

– Эдуард Олегович, – сказал Вениамин, – а что такое Царицын ключ?

– Не знаю, – ответил Эдуард Олегович. – Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

– Это где-то недалеко, – сказал Вениамин.

На мягкой траве возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

– Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать, – сказал Эдуард. Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды – может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее – заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

– Гамияэстомнисдивизаинпаррртистррес! – раздался страшный переливающийся гор-
танный вопль.

От неожиданности все замерли.

– Это мне знакомо! – вскричал Вениамин. – Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Олегович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не было реального желания схватить страшно кричащее существо.

– Опять? – спросила Элла.

– Тррес, – сказал Вениамин. – Я это расшифрую.

– Просто дикий крик, – сказал Эдуард Олегович. – Пошли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех поползла к солнечному пятну. Было тихо.

7

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с крынкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обыкновенной.

– Вы уже встали? – удивилась Ангелина.

– Скоро девять, – сказал Андрюша. – Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

– Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встают. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

– Нет, – сказал Андрюша, – я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

– Я тоже с вами молока выпью, – сказала Ангелина. – Садитесь. А они куда ушли?

– Эдуард Олегович им деревню показывает.

– Чего у нас показывать? – сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки пустую литровую банку. – Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

– Коля нам легенду рассказал, а потом убежал. – Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила полбанки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко. – Зачем так? – спросил он.

– А вы из крынки не станете, – сказала Ангелина и улыбнулась. – Вы подумали, я жадничаю?

– Разумеется, – сказал Андрюша. – Я подозрителен.

– Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

– Так и сказали бы, что сливки.

– Это молоко, – сказала Ангелина. – Такое доим. – Она фыркнула, нос дернулся кверху, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша сидел, разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: – Чего уставился? У меня жених.

– Василий?

– Нет, Василий только претендент. Безднадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.